

М.К. Мусаева

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ (XIX – НАЧ. XX в.)

Детство является своеобразной формой усвоения культурных стереотипов. Правильно организованное детство и адекватный подход к воспитанию – это наилучшие возможности для трансмиссии культуры общества (Мафедзев С.Х., 1991. С. 4–8.). Можно понять, как важна трансмиссия, учитывая, что «межпоколенной диахронной этнокультурной информации (которая в основной своей массе усваивается человеком предположительно именно в раннем возрасте. – Авт.) принадлежит основная роль в производстве этноса» (Бромлей Ю.В., 1983. С. 110).

Опыт воспитания в определенном историческом промежутке (для нас XIX – нач. XX в.) аккумулирует весь многовековой прошлый опыт, и дополнительные паллиативные и инновационные моменты, связанные с динамичными или эволюционными (иногда даже революционными) процессами в социально-экономической структуре конкретного общества (в данном случае Нагорного Дагестана, где проживает большинство аварцев, даргинцев и лакцев).

Основная цель воспитания как в прошлом, так и в настоящем остается неизменной: формирование гармоничной во всех отношениях личности, приспособленной к жизни в заданных для конкретного периода условиях. Этими условиями являются, прежде всего, достаточно консервативные в своей сущности хозяйственные, семейно-бытовые, а также определенные, принятые в данном обществе нормы поведения; не менее важны также относительно подвижные и подверженные изменениям социальная система и политическая ситуация.

Считается, что невозможно понять ни образ жизни, ни особенность социальной истории, не зная, как тот или иной народ воспитывает своих детей.

Большое значение в воспитательном процессе у народов Нагорного Дагестана придавалось возрастным особенностям воспитуемых. К каждому возрасту предъявлялись определенные требования, был соответствующий подход. Различали два больших рубежа: 1-й – от рождения до 5–7 лет и 2-й – от 7 лет до 15 лет. Внутри них выделялись группы по возрастным особенностям детей: новорожденные («*цли гьабураб льимер*» – авар.; «*баркьѐб чали*» – дарг.; «*вилтIил ърчI*» – лакс.); грудные дети («*хахулѐб льимер*» – авар.; «*мамала чали, мыкирла чали*» – дарг.; «*ккуккулийсса ърчI*» – лакс.), которые таковыми оставались почти до 1,5, иногда 2-х лет; с 1–1,5 лет до 5–7 лет – маленькие дети, малыши («*тIинаб льимер*» – авар.; «*чIиви ърчI*» – лакс.); с 7 лет до 12 – большие мальчики (девочки) («*кIудияв вас (яс)*» – авар.; «*хIула уркис, хIулагали (хIула рурси)*» – дарг.); от 12 до 15 лет – достигшие подросткового возраста, почти взрослые мальчики (девочки) («*гIолохан чи гIурав вас (яс)*» – авар.; «*жихIил*» – дарг.).

Естественно, что эти возрастные категории имели весьма условный характер, не случайно указывается как минимальный, так и максимальный возраст для каждой возрастной группы. Принадлежность к той или иной возрастной категории зависела от индивидуальных психофизиологических характеристик ребенка.

Новорожденные были объектом повышенного внимания, буквально ежеминутного, особенно в первые 40 дней жизни. Считали, что это первый и самый трудный рубеж для жизни новорожденного. По представлениям, в этот период ребенок как бы находился между «этим и другим миром», именно в эти дни определяли, как считалось, «быть или не быть» ребенку живым.

Помимо того, что новорожденные подвергались всевозможным магическим приемам действиям и ограничениям, как рационального, так и иррационального порядка, имевшими в своей основе широко распространенную во всем мире предохранительную магию (Рождение ребенка в обычаях и обрядах... 1997. С. 510) от предполагаемой порчи, сглаза и других неприятностей, якобы ожидавших маленьких, особенно грудных детей, за ними осуществлялся тщательный уход, заключавшийся в осторожном пеленании, чтобы не повредить позвоночник, не вывихнуть руки, ноги. Мальчикам-младенцам вообще не давали плакать, говорили, что в отличие от девочек у них развивается пупочная грыжа. С особой тщательностью следили за пупком новорожденного до заживления, знали, что его повреждение опасно для жизни ребенка.

Для новорожденного существовал еще один условный рубеж от – 40 дней до 3-х месяцев. К концу этого времени ребенок должен был уже твердо держать головку, узнавать голоса «своих» и «чужих», он уже, как говорили, должен был «стать человеком» («*гIадан лъугъана*» – авар.; «*адим ихIе*» – дарг.). Однако в представлениях населения ребенок этого возраста все еще считался «неполноценным», его продолжали жалеть и часто говорили о нем: «как бессловесное существо» («*мацI лъалареб хIайван*» – авар.; «*маз къакIулсса хIайван*» – лакс.).

Считали, что в усиленном внимании ребенок нуждается и после того, как он начинает ползать (это обычно происходило с 5–6 месяцев). В это время ребенок в силу своего любопытства и инстинктов мог проглотить или положить в рот опасные мелкие предметы, поэтому «площадка» для ползания подвергалась тщательной проверке. Именно в этом возрасте детям старались привить понятия «нельзя», «плохо» с использованием выработанного веками специального детского языка. Так, например, вышеприведенные понятия обозначались словом «нехI», «нехIаб» (ср.: «*бегуларо*» – авар.; «*аа-аа, акъ*» – дарг.; «*ав-ав*» – лакс.). Не менее опасным считался период, когда ребенок начинал ходить (по представлениям, в возрасте от 9 месяцев до 1 года 3-х месяцев ребенок должен был сделать первые шаги).

Считалось, что девочки начинают ходить раньше. Учитывая архитектурные особенности жилищ, где двором часто служила плоская крыша нижестоящего другого дома и, как правило, галереи были открытыми, существовала опасность, что ребенок может упасть с крыши. Это было более чем актуально, так как говорили, что ребенок в этом возрасте «не знает края». В грудном возрасте ребенок всецело принадлежал матери или бабушке. Старшие дети (5–10 лет) привлекались только как вспомогательная сила. Они качали люльку, осуществляли стирку.

Лет до пяти–семи мальчики и девочки свободно общались друг с другом. Запрещалось только вместе купаться. Условно их называли бескрылыми птенцами («*куркъби гъечIел хIинчIал*» – авар.; «*хIару къархъусса оърчI*» – лакс.), соколятами («*дир лачен*» – мой соколенок – авар.; «*ттул лачин*» – лакс.); мышатами («*гIонкIол тIинчI*» – авар.; «*ваца*» – дарг.; «*кIуллул оърчI*» – лакс.) и т.д.

С детьми этого возраста, считая их все еще достаточно маленькими, обращались осторожно, разрешали, хотя и очень незначительные, капризы. Но уже давали несложные поручения, девочек приучали помогать по хозяйству. В доступной форме, путем наставлений и объяснений прививали положенные в их возрасте нормы поведения. Воспитанием и мальчиков и девочек все еще занимались женщины: мать, бабушка, сестры. При этом требования к девочкам были более строгими, чем к мальчикам.

Как мы уже отмечали, в рамках возрастного рубежа от 8 до 15 лет, т.е. до совершеннолетия, также существовали свои условные градации.

Во всяком случае, в становлении человека 10-летний возраст считался серьезным рубежом. С этого времени начиналась сегрегация по половому признаку, она уже была заметна с 8 лет и становилась строгой и обязательной. С этого же

возраста дети должны были отвечать и за свои поступки; в адатах народов Дагестана существовали статьи, говорящие о том, что по достижении 10 лет дети, а не родители должны были нести наказание за уголовные преступления (Памятники обычного права..., 1955. С. 126, 149, 152). С этого времени мальчик «переходил» на воспитание к отцу, деду. Девочки оставались в ведении матери, но в ее положении также менялись акценты – она уже должна была больше времени уделять домашним делам, тратить много времени на игры и другие увлечения ей не полагалось, хотя последние строго и не осуждались. Но уже к 12 годам дети обоего пола должны были усвоить все положения этикета и обучиться всем трудовым процессам как по ведению домашнего хозяйства, так и ремеслам, которые были характерны для того или иного общества, тем более что в Дагестане, как отмечают исследователи, не было ни одного селения, где бы женщины не производили какие-нибудь предметы из шерсти, начиная от высококачественных ворсовых ковров и сумахов и кончая шерстяными веревками (*Хашаев Х.-М.О.*, 1959. С. 67). В частности, в селениях Хунзахского плато ткать ковры «давагины» начинали уже с 10 лет; в селениях Келебского общества девочек привлекали к выработке сукна (они чесали шерсть, очищали ее, наматывали нитки и т.д.); в Балхаре они уже садились за гончарный круг и т.д. Мальчиков отец приучал к мужским занятиям, к этому времени у них уже существовало понятие «мужское» и «женское» дело. Приучали владеть «ножом, топором и другими чисто мужскими орудиями. Обязательным считалось и умение ездить верхом. В таких селах, как Гоцатль, Унцукуль, Корода, Салта, Балхар, Кумух, Кубачи, Уркарах и др., известных центрах кустарного и художественного производства, где ремесленники и кустари работали не только для собственных нужд, но и на рынок, мальчики уже с сизмальства помогали отцам даже в таком сложном производстве, как кузнечное, медное, серебряное, оружейное дело. Главным условием при привлечении малолетних детей к труду было то, что он должен был быть посильным.

Для выработки необходимых качеств, знаний и умений у ребенка пользовались различными методами, естественно, с учетом тех возрастных рубежей, о которых мы говорили выше.

Исследователи классифицируют их следующим образом:

- 1) методы убеждения (этическая беседа, показ, разъяснение, пример, упреждение);
- 2) методы принуждения (поручение, внушение, требование, осуждение, наказание);
- 3) стимулирующие методы (похвала, поощрение);
- 4) методы подведения итогов (испытание) (*Мирзоев Ш.А.*, 1986. С. 67 – 68).

Часто эти методы применялись в сочетании. Кроме того, во многих жизненных ситуациях использовались методы опосредованного воздействия, каковым является намек. Считалось, что для разумного, хорошо воспитанного ребенка достаточно намекать, чтобы он сделал соответствующий вывод и не повторял своих ошибок.

Наилучшим способом воздействия на сознание ребенка, буквально начиная с колыбельного возраста, считалась так называемая этическая беседа. Предполагалось, что уже после 40 дней жизни ребенок улавливает интонацию одобрения или осуждения в голосе ухаживающего за ним, реагирует на голос матери соответствующим образом. Естественно, что это пока происходило на уровне условно-рефлекторном, но вполне возможно, что эта реакция служила первым опытом для того, чтобы ребенок регулировал и ограничивал свои капризы.

С самого раннего возраста средством воспитания, приобщавшим ребенка к человеческой речи, знакомившим его с окружающими его людьми, предметами, являлись беседы с ребенком, колыбельные песни. Созданные женщиной-матерью

и предназначенные для усыпления ребенка, они отразили не только глубокое чувство материнской любви, свойственное женщинам всех народов и времен, но и многовековой опыт народа по воспитанию детей. Успокаивающий нежный голос матери, бабушки, иногда старших сестер окружал ребенка, давал ему почувствовать атмосферу любви, в которой он жил.

Первое приобщение ребенка к чарующим звукам музыки, усиливавшим тональность чувства, также была колыбельная. Именно через нее дети получали некоторое музыкальное развитие, приобщались к прекрасному своеобразному языку, помогавшему людям в последующем понимать друг друга. О том, что в колыбельных важное значение придавалось музыке, ее нежности и тональности, а не словам, говорит тот факт, что имелись колыбельные без слов (с постукиванием в такт музыке по спинке и грудке ребенка во время усыпления) или просто с разговором типа «ах-х-х-хи... или а-а-а...». В качестве образцов хочется привести тексты нескольких аварских колыбельных песен, зафиксированных в разных обществах (ранее опубликованные и неопубликованные), при этом следует отметить, что колыбельных, обращенных к девочками, гораздо больше. Некоторые исследователи связывают это с тем, что именно к девочке обращалась мать со своими думами и печалью. Они, безусловно, правы, но есть еще один момент, который нельзя обойти вниманием, – именно девочка должна была обладать мягкостью и нежностью, большой душевностью и отзывчивостью, а именно такие качества, как считали, в большей степени воспитываются музыкой. Не случайно говорили, что музыка «растапливает сердце» («*ракI биize гьабула*» – авар.). В противоположность этому сердце мальчиков должно быть, как считали, крепким как скала, как камень, излишнее воздействие «сладких речей и музыки», как предполагалось, уже в колыбели могло его неправильно ориентировать и воспитать в нем качества, не приемлемые для настоящего, соответствующего ментальности горцев, мужчины.

Колыбельная для мальчиков:

«Ва чIухIарав, чIухIарав,
ЧIухIун хьала бахъарав,
Ярагъальул чвархъухъе
ЧагIи кьватIир рахинел,
Чакхмабазул тIавархъукъе
Тушманзаби хIинкъилел» (Меседил мугал., 1968. С. 31) .

(О бесстрашный красавец,
Красиво крепость взявший,
Бряцаньем оружия, людей вызывающий,
Сапогов цоканьем, врагов пугающий).*

* * *

«Эмен чIухIун вукIине чанахангун вахъаги»,
Кьибил чIухIун букIине гамихъанлъун вахъаги,
Тполго ралъад квегъулев ралъдахъанлъун вахъаги,
Зодибе квер гIунтIулев каммилав чи лъугъаги».

(Для того чтобы отец гордился – охотником стань,
Для того чтобы тухум радовался – ведущим корабль стань.
Бурное море покоряющим вырасти,

* Перевод здесь и далее сделан автором статьи.

До неба руками достающим стань).

В колыбельных часто детям приписывали свойства небесных светил, природных явлений, горных массивов, бурных горных рек, деревьев, как например:

«Вай, МухАмад, МухАмад! ХIенхIил гъветI,
Мехьбалараб мокърол гъветI.
БилбагIараб чамастак,
Чан гIадиав бихьинчи».

(Ой, Магомед, Магомед! Дерево хених,
Быстростареющее персиковое дерево,
Красноствольный финик,
Храбрый как тур).

К сожалению, далекие от профессиональных, переводы не могут отобразить красоту слога и метафор этих колыбельных песен.

В колыбельных для девочек прославлялись добродетельные качества и высказывались добрые пожелания, как быть красивой, нежной, счастливой, трудолюбивой, аккуратной и чистоплотной. Этим качествам, как считали, должны были сопутствовать скромность, доброжелательность, уважительность:

«Берцинал рахиналде
Къолое хур льильулей,
БагIар бакъ баккилалде
ЧIарал магъ цIун ячIуней»

(Пока многие спят,
Прополку заканчивающая;
Пока красное солнышко встанет,
С охапкою травы возвращающаяся).

* * *

«ГIоди, гIоди дир месед, гIанаби багIарльизе,
ГIоди, гIоди дир гIарац, бералги гIатIильизе,
Вай дур дада чIахаяв,
Хайдакъальул багIар гIеч,
Дадал ясал чIахъаяв,
Толго гIубилав гIарац».

(Плачь, плачь, моя золотая, чтобы щеки зарумянились,
Плачь, плачь моя серебряная, чтобы глаза увеличились,
Пусть отец будет здоров,
Кайтагское красное яблоко,
Пусть у отца дочки будут здоровы,
Желтое серебро).

«Биун гIарцул тIурай,
ПартIун рольул гъаюрай,
Меседкунал гIомо гъай,
ГIарацкунал чалу гъай» (Меседил мугьал..., С.8).

(Из расплавленного серебра отлитая,
Из муки сделанная.
Клубок из золотых ниток она,
Тесьма из серебряных ниток она).

* * *

«Ракъалда бакІљулеб
ХетІеги чІечІей,
Зобалда рагІулеб
Гъаракъ гъабичІей,
ГодекІан къотІичІей,
КъулгІа бахинчІей,
Йигоян рагІичІей,
ГІунан йихъичІей»

(С поступью, которую Земля не чувствует,
С голосом, который небо не слышит,
Не прошедшая через годекан,
Не ходившая дальше родника.
Что ты есть, не слышали,
Как выросла, не видели).

Средством приобщения ребенка к родной речи, еще одним средством положительного воздействия на сознание ребенка, и формой беседы служили всевозможные ласковые, часто весьма образные прозвища, обращенные к ребенку, такие как «мой сырный шарик» («дир хІанил горо» – авар.); «мое золотко» («вай дир месед» – авар.; «дила мурхе» – дарг.); «золотая пуговка» («мусил кІичІ» – лакс.); «умничка» («духусе гали» – дарг.; «дир цІодор» – авар.); «свет моих очей» («дир берзул канлџи» – авар.; «дила хІулбалла шала» – дарг.; «янил чани» – лакс.); «мой ягненок» («дир къегІер» – авар.) и др., которыми можно называть детей обоего пола; «моя куропатка» («дир мокъокъ» – авар.); «моя голубка» («дир микки» – авар.; «дила наха» – дарг.; «къукъу хъхъи» – лакс.); «моя ласточка» («дир мильиришо» – авар.; «дила жъйтта» – дарг.); «моя лань» («дила чани» – дарг.); «фарфоровое деревце» («чинидул гъветІ» – авар.); «куколка из льда» («цІорол ясикІо» – авар.) и др. – обращенные к девочке; «мой медвежонок» («дир цидул тІинчІ» – авар, «дила синка» – дарг.; «цІухълул оърчІ» – лакс.); «мой лев» («дир гъалбацІ» – авар.; «аслан орчІ» – лакс.); «мой котенок» («дир китил тІинчІ» – авар.) и др. – обращенные к мальчикам. Иногда к мальчикам обращаешься, называя шутливыми прозвищами: «мой козлийный рог» («вай дир дигІнил лъар» – авар.); «заячий хвост» («гІанкІил рачІ» – авар.; «орала чими» – дарг.); «червяк» («бихъин хІутІ» – авар.); в переносном смысле «болтун» («гозо кІал» – авар.) и т.д. Девочкам в шутку давали прозвища с подтекстом: «мое веретено» («вай дир мерго» – авар.); «моя молния» («дир пири» – авар.); «летающая шуба» («харцур хІяка» – дарг.) – за подвижность; «мой клубочек шерсти» («дир kwasул гІомо» – авар.) – за мягкость и нежность; «мой птенчик» («дила жжетта» – дарг.) – за болтливость; «моя лошадка» («дила урчи» – дарг.) – за полноту и т.д. Несколько раз повторенные с улыбкой и нежностью в голосе, прозвища вызывали у ребенка реакцию – улыбку, движение, лепетание. В разговоре с детьми использовалась специальная детская лексика, которую, скорее всего, именно дети и выработали, как например: «буба» – авар.; «бакъ бакъ» – дарг.; «бува» – лакс. – взять на улицу; «дахІа» – авар.; «татайла» – дарг.; «гІяисса» – лакс. – красиво; «нехІ» – авар.; «экъ» – дарг.; «аь-

аьсса» – лакс. – плохо; *«гици»* – авар. – кошка; *«бе-бе»* – авар.; *«мези»* – дарг.; *«мя»* – лакс. – овечка и др.

Исследователи считают, что отсутствие человеческого общения, только лишь кормление и уход за ребенком, недостаточное внимание (так называемый «госпитализм») могут привести к умственной отсталости и стать причиной ряда болезней (Белик А.А., 1999. С. 118).

На общепринятую, серьезную беседу с элементами поучения, назидания «воспитатели переходили», учитывая видимые психофизиологические показатели, с 5–7 лет. Это были беседы о давно произошедших событиях, случаи из жизни знакомых, личной жизни, в которых был скрытый воспитательный смысл, уроки нравственности, привитие норм этикета и т.д. Такого рода беседы имели чаще профилактический, превентивный характер. В случаях, когда ребенок уже что-то натворил, с ним беседовали почти все по цепочке (родители, старший родственник и т.д.). Беседы такого характера почти всегда подкреплялись всевозможными поучительными пословицами, соответствовавшими теме и цели бесед и поучений.

Подобные профилактические беседы проводились и при помощи сказок со смыслом, притч. Лучшими рассказчиками во все времена считались пожилые люди (бабушки, дедушки). У хорошего рассказчика в долгие зимние вечера у огня (*«цIадах»* – авар.; *«дуссух»* – лакс.) собирались не только дети со всего квартала, но и взрослые. Эти посиделки у огня были первой школой воспитания у детей умения излагать свои мысли, школой обучения правилам речи, можно даже сказать, «актерскому мастерству», которое в жизни было необходимо. Хороший рассказчик «в лицах» передавал содержание сказок, тем самым предельно повышая эффективность восприятия информации. «Сказочники их – большие говоруны и нарядные шуты – присвистывают, щелкают, меняют голос, примешивают к сказке стихи и пение, смешат поговорками, иногда забавными», – писал о горцах Дагестана в свое время А. Бестужев-Марлинский (Дагестан в русской литературе..., 1960. С. 141).

К 12–15 годам разговоры, беседы, которые велись с детьми, усложнялись. Это уже были не сказки, притчи и т.д., а конкретные ситуативные наставления. Мальчиков называли у аварцев *«михьида хIур хъвачIев»* (молодо-зелено, букв. «с не запыленными усами»); у лакцев – *«оьзи пурх гъакусса»* (букв. «не обросший»); девочек у аварцев – *«тIагъур речIлани шапуларей»* («не падающая при ударе папахи»); у лакцев – *«варицар»* (девушка), т.е. «зрелая». К этому времени и парень, и девушка, – а именно такому статусу они соответствовали в этом возрасте (*«балугъльулеб заман»* – авар.; *«балугъравун ухлаи»* – лакс. – букв., «входящий в рыбу», т.е. переходный возраст), – должны были усвоить основные принципы жизни в данном обществе – нравственные, трудовые; быть достаточно физически подготовленными и во многих случаях быть готовыми заменить старших членов семьи полностью.

Усваивание положительных жизненных установок детьми, как уже отмечалось, происходило через беседы, наглядные примеры (особенно трудовые навыки), через подражание. Практически все знали, что дети, не имея собственного жизненного опыта, присматриваются и очень хорошо копируют поступки и действия взрослых. Было очень важно, чтобы в поле их внимания всегда находились положительные примеры. А отрицательные ситуации тщательно анализировались, так, чтобы у подрастающего поколения напрочь отпало желание повторить что-то подобное. Следовало учитывать, что дети копировали буквально все вплоть до походки и манеры разговаривать. В с. Ирганай (совр. Унцукульский район) рассказывали, что когда мужчины собирались на годекане обсуждать какую-нибудь очередную ситуацию, то в пылу обсуждения не всегда замечали, что подростки потихоньку незаметно имеют привычку следить за ходом событий, а на

следующий день, как говорят, в лицах эти подростки изображали вечернее действо. Часто, как говорят, это выглядело довольно комично.

Несмотря на то, что до совершеннолетия, т.е. до 15 лет, воспитание в целом оставалось домашним, общественность все-таки играла значительную роль. Это было связано с тем, что любой взрослый имел право дать посильное поручение подростку, сделать справедливое замечание, похвалить, поощрить. Дети, особенно в небольших селах, находились на виду (как на ладони), проступки моментально становились достоянием общественности. Как правило, ответственность должны были до определенного возраста нести родители, как материальную, так и моральную. Моральная ответственность за проступки детей считалась более тяжелой, т.к. она оставалась в памяти людской, и если проступок был серьезным, о нем напоминали, им часто упрекали в женской среде. Не было ничего более постыдного, чем заработать упрек (*рогъоб – авар.; омхобачиб – дарг.; лахъунибан – лакс.*). В детском возрасте малейшие отклонения от нормы приводили к тому, что ребенок мог заработать кличку, которая впоследствии могла быть перенесена и на его тухум. Часто именно из-за казусных ситуаций детям давали клички («*оркI цIар*», «*тIокI цIар*» – авар.; «*омхо бачиб*» – дарг.; «*чулиб*» – лакс. букв. «*верхнее имя*») как обидного, так и безобидного характера.

Так, в с. Ругуджа (совр. Гунибский район), за исключением нескольких тухумов, все имеют клички. Истории возникновения некоторых из них просто комичны. Например, кличка Пишта возникла из-за того, что некоего мальчика Мусу отправили с поручением от человека по имени Урдаш. Подросток всю дорогу так боялся забыть это имя, что, когда споткнулся, упал и забыл его. Придя на место, он начал речь с фразы: «Пишта меня послал...». С этого времени его стали называть Пишта-Муса. Иначе его никто за глаза и не звал. И детей его стали называть Пишта Мусал Хадижат, Хузаймат и т.д.

Или же кличка Абужи, давшая название целому тухуму, якобы возникла после того, как отец одного из мальчиков вернулся с русско-японской войны инвалидом. Когда его сверстники у мальчика спросили, что же отец с войны привез, он ответил: «Абужи». Речь, скорее всего, шла об оружии или ружье. С тех пор его прозвали Абужи Муртуз. И таких историй в каждом обществе и населенном пункте великое множество. Клички давались и по физическим данным – кривой, хромой, глухой, слепой, черный и т.д., но такие клички, за редким исключением, прибавляли к имени только за глаза.

Весь воспитательный процесс в целом был направлен на то, чтобы сделать подрастающее поколение полноправным членом общества, таковыми мальчики становились в 15 лет – время, когда им разрешалось приходить и сидеть на годекане – главном месте, где проходила и обсуждалась общественная жизнь любого селения.

Годекан – это было место, где вырабатывалось общественное мнение, своеобразная форма идеологической организации общества, поведение на нем определяло зачастую дальнейшую жизнь парня, поэтому очень важным для отца было подготовить сына к «выходу в свет». Его самоутверждение в обществе зависело от того, насколько он подготовлен соблюдать традиционные неписанные, но неукоснительно выполняемые правила годекана, которые были установлены для поддержания порядка. Это прежде всего: проявлять уважение к другим, ценить уважение к себе; слушать и не перебивать, пока говорит один.

Для девочек своеобразным выходом в свет служило присутствие на свадьбе или похоронах – именно здесь, как считали, можно было определить, насколько воспитана девушка. Каждая ситуация требовала соответствующего поведения. Не случайно практически у всех народов Дагестана существовала пословица: «На похоронах – плачь, на свадьбах – пой». За плохое воспитание детей всегда несли

ответственность прежде всего родители. Не зря говорили: «Что птенец получит в гнезде, пригодится в полете».

В целом воспитательный процесс считался тяжелым делом, который мог быть испорчен одним единым проступком. У аварцев, например, говорили, что «тысячи дней мало, чтобы хорошему научиться, и одного дня много, чтобы научиться плохому» («азарго кьоги дагъабила льякIаб лъазе, цо кьоги гIемерабила квешалде ругъунлъизе»).

Как мы уже отмечали, во взаимоотношениях «ребенок – взрослый» система наказаний за проступки была очень щадящей, особенно в первой возрастной категории. Как правило, исключались телесные наказания; их заменяли словесное осуждение и внушение. Чаще всего проступок детей, являвшийся отклонением от традиционных моральных и нравственных норм общества, благодаря словесному осуждению и внушению, обычно выраженному в пословицах, поговорках, в примерах, с учетом возраста провинившегося, обстановки и ряда других обстоятельств, удавалось сделать единичным случаем. Благодаря таким щадящим, не унижающим достоинство «маленького человека», уже личности, формам наказания удавалось вовремя притормозить в детях негативные наклонности. Считали, что ребенок воспитан хорошо, если одного осуждающего взгляда или жеста было достаточно при поведении неадекватном ситуации.

Более взрослую категорию детей (12–15 лет) за неблагоприятные поступки в шуточной форме высмеивали, но старались это делать без жестокости, которая могла задеть глубинные струны души.

Воспитывать наказанием следовало умеючи, зная меру; не зря говорили: «и котенок может ударить лапой, если его загнать в угол». Наказание должно было быть справедливым, соответствовать по силе эмоционального воздействия степени совершенного поступка. Личность виновного ребенка, его психофизиологические данные также имели немалое значение. У ругуджинцев, например, говорили: «Прежде чем ударить кнутом, посмотри на лошадь» («цIал, балалъа, чода балагъа»). Учитывая, что детство – это своеобразная форма усвоения определенных культурных стереотипов под влиянием внешних воздействий, желание воспитать члена общества с необходимым набором положительных качеств (гармоничного, доброго, отзывчивого, трудолюбивого и т.д.) предопределило разумное мнение, что воспитывать нужно любовью, заботой, человеческим отношением. Наказание в любой форме должно было быть методом вспомогательным, и его рекомендовалось использовать обязательно с учетом возрастных особенностей только в исключительных случаях, когда были и исчерпаны все другие средства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белик А.А.*, 1999. Детство как феномен культуры// Культурология. М.
Бромлей Ю.В., 1983. Очерки теории этноса. М.
Дагестан в русской литературе, 1960. Т. 1. Махачкала.
Мафедзев С.Х., 1991. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик.
Меседил муггал. Лъималазе фольклор. (Золотые зерна. Детский фольклор), 1968. Махачкала. (На аварском языке).
Мирзоев Ш.А., 1986. Народная педагогика Дагестана (Содержание, формы и методы воспитания). Махачкала.
Памятники обычного права, 1955. М.
Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы, 1997. М.
Хашаев Х.-М., 1959. Занятия народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала.